

*Русская мысль - Париж -
1995 - 20-26 апр. - с. 10.*

Премьер Большого театра

Когда я в 1989 году впервые начал печатать свои горькие воспоминания о «театре за колючей проволокой» в журналах и газетах СССР, а позже и Америки, пошли письма: от тех, кто «там» были «зрителями», но и от тех, кто так и не дождался своих родных и близких из этого ада.

Многие просто спрашивали, не знал ли я их отца, брата, сестру, мать. Не видел ли?

Боже мой! Что я мог ответить?! Конечно, видел, но едва ли знал. Тот «зрительный зал» всегда был полон, об этом беспокоились «органы» на воле.

Да, я видел там десятки, сотни тысяч «зрителей» поневоле, но тогда все они были для меня на одно лицо... И лицо это было сумрачно, с затененной обидой за сломанную жизнь, без всякой надежды на то, что «все будет хорошо». Нет, «там» всегда ждали только плохого.

И, может, лишь глядя на поющих, танцующих и играющих артистов, на людей такой же горестной судьбы, эски на короткие часы спектакля или концерта ненадолго забывали страшное. К ним приходило простое человеческое чувство восхищения и благодарности этим людям на сцене, которые хоть на время вернули их к той, утраченной жизни: из лагерного ада даже та «режимная» жизнь под пятой великого вождя казалась чуть не раем...

Как строилась работа театра? Восемь месяцев в году мы были в поездках по Северному Уралу: по многочисленным его лагерям. Четыре месяца репетировали на своей базе, в Ивделе.

«Гастроли» в два захода: осенью — до весны и летом — до осени. Зимой — на санях и автомашинах по лежневке (деревянной дороге), а летом на открытой барже, которую тянул по уральским рекам маломощный катерок...

У театра вольный начальник, лейтенант Васья Сумароков — безвредный, недалекий паренек из местных, очень довольный своей «непыльной» работой и, может быть, потому не сильно досаждавший нам придирками...

Был он, дело прошлое, большим любителем женского пола, в каждой деревне у него была зазноба (по местному — «дроль»), и потому, выехав с нами в поездку, он пропадал неделями, внезапно появляясь на короткий срок.

— Ну как, мужики, без ЧП? — спрашивал начальник и, получив удовлетворительный ответ, снова исчезал.

Театр был обязан выступать ТОЛЬКО перед заключенными и «вольными» работниками лагеря, ну и, конечно, перед ВОХРОм — воензированной охраной. Мы неукоснительно это выполняли, зная, что нарушение этого правила грозит возможным дополнительным сроком, а уж списанием из театра «на общие работы» — обязательно. Так что летом, плывя мимо уральских деревень, мы даже не приставали к берегу, хотя оттуда нам махали, звали и вроде даже приветствовали...

В тот злополучный день наш лейтенант, как всегда, был у очередной своей дрочи, конвоиры спали в каюте катера, а ко мне подошел капитан суденышка и сказал:

— Однако причаливать будем! Матка тут живет. Праздник у них нынче — сенокос кончили. Немного бражки попью — и дальше пойдем.

Мы причалили к берегу, на который уже высыпала вся деревня. На борт катера поднялся председатель колхоза, фронтовик с полным иконостасом орденов и медалей, на протезе вместо правой ноги, и секретарь парткома, бойкая баба, тоже орденосека и, как сообщил капитан, депутат Свердловского областного совета... Они стали нас просить выступить перед колхозниками...

— Сенокос кончили, надо бы людей повеселить... Ничего ж не видят: радио только в правлении колхоза, кино привозят раза три-четыре в год, а люди хорошо работают, безотказно!

Я ссылаясь на запрет, конвоиры, уже сагитированные местными девками, молчали: наше дело охранять — решай сам! До ближайшего лагпункта по реке дня три ходу. Кто увидит?

Не знаю, может, решающую роль сыграла возможность поесть сметаны, попить молока и даже — белых шанежек... В общем, как затмение нашло — я согласился...

Мы выгрузились на берег со всем своим реквизитом и музыкальными инструментами. Под наблюдением нашего «завпоста» местные плотники приготовились ставить сцену на берегу, а театральный уже вовсю угощался...

От председателя я узнал, что большинство жителей деревни впервые увидят «живых» артистов. Он-то сам видел Русланову где-то под Кенигсбергом и еще каких-то клоунов в Праге... А остальные, ну прямо праздник, считай, крепко подвезло колхозникам!

Начался концерт. Я во вступительном слове поздравил колхозников с окончанием сенокоса, поблагодарил за прием и ласку, назвав их, конечно, «дорогими друзьями»...

Концерт шел отлично, по-моему, никогда наши солисты и даже Головин так не пели, не танцевали, не играли. Чеховская инсценировка «Жених и папенька» вызвала такой взрыв смеха и аплодисментов, что мы не услышали шума причалившего к берегу глссера. Когда я случайно оглянулся, то понял — это конец!

С берега поднимались человек пять в военной форме. Какое-то боль-

шое начальство (малое на глссерах не плавало!) направлялось к нам. Оркестр оборвал музыку, Головин замолчал на полуслове, наступила страшная тишина, в которой громко прозвучали слова, сказанные нашим рабочим сцены, из блатных: «Век свободы не видать! Крепко подзателети! Всем — хана!»

Наш хозяин-фронтовик сразу все понял, он вскочил со своего места, хлопнул меня по плечу и сказал: «Не тушуйся! Прорвемся!» — и заковылял на своем протезе навстречу начальству.

На наших конвоиров страшно было смотреть. Я почему-то прежде всего подумал о нашем лейтенантике: снимут погоны, положит партбилет, да еще, весьма вероятно, перейдет на нашу сторону колючей проволоки. Я старался не глядеть в сторону берега и все-таки увидел, что председатель с кем-то из приезжих обнимается. Не веря глазам своим, мы увидели, как приезжие вдруг повернули назад, и вскоре глссер, взревев мотором, скрылся из виду.

— Что сказали? Что нам делать? — кинулись мы к своему спасителю.

— Порядок в танковых войсках! Приказ мой такой — концерт продолжать, вечером танцы играть, а ночью проводим вас. Но больше не приставать — ни к какому берегу!

Оркестр без устали играл танцы, деревенские девки танцевали и «шерочка с машерочкой» и с нашими кавалерами, часу во втором ночи мы «отдали концы», провожаемые всей деревней... На прощанье я все-таки спросил у председателя:

— Как думаешь, дело не заведут? Кто это был?

— Да это ж не ваши, не НКВД, — это армейские.

— А они не стукнут в лагерь?

— Не должны! Видел, паря, как я там с одним обнимался? Это Михалев Иван Петрович из Свердловска, мы с ним на одной шине Днепр форсировали. Он плавать не умел, так я его тащил!

Боже мой! Чего не бывает в жизни! Как, в сущности, узок мир! Никогда не знаешь, откуда придет беда, а откуда спасение!

Никто никогда не узнал о нашем «страшном» политическом преступлении — концерт для уральских колхозников! Никто и никогда!

5. Фамилий не называть

Году в 52-м я принял театр от Головина, ему уже было трудно управляться с этим большим хозяйством, он оставил себе только оперно-опереточную группу. Работали мы слаженно, дружно, как могли облегчали печальную участь «крепостных» артистов — своим товарищам и себе...

В общем, все дела театра мы решали коллегиально, собираясь в нашей «руководящей каморке» барака. Нас было четверо: родоначальник советского джаза, прекрасный композитор Александр Владимирович Варламов, руководитель драматической труппы, замечательный минский артист Лев Прокофьевич Михайлов, Головин и я.